

Она не хотела здесь жить. Но именно здесь она начала дышать

ГОРЕЧЬ

ЭМЕРИ СКОТТ

18+

Эмери Скотт

Горечь

«Автор»

2026

Скотт Э.

Горечь / Э. Скотт — «Автор», 2026

Кива Кин не искала дом. Она искала место, где можно разбиться. Уиллоу оказался идеальным: старые деньги, новые лица и Закари Синклер — ботаник с мускулами, который смотрит на неё так, будто она ошибка природы. Но ошибки природы не меняют правила игры. Кива не вписывается в этот мир. И именно поэтому Уиллоу никогда не будет прежним. Бунт против порядка. Ей не нужен спаситель. Но, возможно, ей нужен тот, кто не боится её огня.

© Скотт Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33

Эмери Скотт

Горечь

Глава 1

17 августа. Кива, 14 лет

Гитарный рифф разорвал тишину, и я провалилась в знакомый хаос. Крики Криса Motionless In White заполнили мою голову, заглушая гул мотора, запах бензина из старой «Хонды», даже собственное дыхание. Восемь часов в машине — это слишком много времени, чтобы думать. Слишком много, чтобы вспоминать. Музыка была моим щитом.

Another life, another life...

Я смотрела в окно на бесконечные сосны, которые становились всё гуще, и чувствовала, как в груди разрастается пустота. Там, в Розуэлле, я хотя бы знала, кого ненавижу.

Здесь — ничего.

Только этот идеальный, приторно-зелёный коридор, который ведёт меня в никуда.

— Кива!

Голос отца пробился сквозь наушники, как тупой нож. Я раздражённо ткнула пальцем в телефон, ставя трек на паузу. Тишина, которая наступила, была хуже музыки. Я вытащила один наушник из уха и повернула голову к отцу. Он держал руль одной рукой, второй помассировал переносицу. Он делал так, когда уставал. Или когда пытался не сорваться. В последнее время это было слишком часто.

— Что? — спросила я грубо.

Отец вздохнул. Долгий, усталый выдох человека, который не спал уже сутки.

— Мы скоро подъедем.

Я усмехнулась.

— Хочешь высказать мне наставления? — Я посмотрела на него с вызовом. — Типа «будь хорошей девочкой, не позорь семью, не кури в туалете»?

— Да, хочу, — сказал он, и в его голосе проскользнуло раздражение. — Здесь необычный город, ясно?

Он бросил на меня быстрый взгляд, проверял, слушаю ли я вообще. Я демонстративно уставилась в окно, но наушник оставила в руке.

— Твоя бабушка любит тебя, — продолжил он, и его голос стал мягче, почти умоляющим. — Так что дай ей шанс, хорошо? Дай шанс этой новой жизни. Ради меня. Ради себя.

Я надела капюшон толстовки и потянула шнурки так, что ткань сжалась вокруг лица, оставляя только узкую щель для глаз. Теперь я была в своём коконе.

Безопасно.

— Кива.

Я проигнорировала.

Смотрела на дорогу, на мелькающие деревья, на серое небо, которое висело над нами, как мокрое одеяло. Восемь часов. Мы ехали восемь часов, чтобы оказаться здесь. В месте, в котором росла моя мама.

— Кива!

Отец повысил голос, требуя ответа.

Я медленно открыла дверь машины. Ветер ударил в лицо. Если я сейчас выпрыгну, я останусь жива? «Хонда» ехала достаточно быстро. Но не настолько, чтобы разбиться насмерть. Только покалечиться. Только добавить ещё одну проблему в нашу и без того разваливающуюся жизнь.

— Кива, сейчас же закрой дверь! — снова позвал он, уже с паникой в голосе.

— Я не маленькая, пап, — сказала я, закрывая дверь обратно. — Не надо со мной как с ребёнком.

— А ведёшь себя именно так, — огрызнулся он.

Я пожала плечами. Пусть думает что хочет. Мне всё равно.

— Всего лишь мы переехали в незнакомое место, — сказала я, загибая пальцы, — я буду жить в новом доме, пойду в новую школу, и у меня тут никого нет.

— У тебя есть я и бабушка, — возразил он, но уже слабее. Он знал, что это не аргумент.

— Я про друзей, пап.

— Без обид, — хмыкнул он, и в его голосе мелькнула тень прежней иронии, — но пожилая соседка тебе не подруга.

Я чуть не улыбнулась. Чуть-чуть. Но не дала себе этого сделать.

Ладно, этот пункт я приукрасила. У меня правда не было друзей. В Розуэлле я была «той странной девочкой с вишнёвыми волосами», «дочкой механика», «девчонкой, которая одевается как пацан и слушает непонятную музыку». Я привыкла быть призраком. В новом доме и новой школе я могла им остаться. Я ничего не теряла.

Кроме мамы.

Я почувствовала, как в горле встал ком. Отвернулась к окну, чтобы папа не видел. Сосны кончились — начались лужайки. Идеальные. Подстриженные до миллиметра.

Зелёные, как пластик.

— Кива, — мягко позвал папа. Совсем тихо. — Я тебя люблю. Ты можешь на меня положиться, ладно?

Я сглотнула. Медленно кивнула.

— Ладно.

Кажется, мой ответ устроил папу. Он выдохнул и чуть расслабил плечи. Я теперь могу полагаться только на него. Он — единственный, кто остался. Я сложила наушники в рюкзак, порылась в кармане куртки, нащупывая пачку сигарет, и наконец открыла зеркало в козырьке.

Из отражения на меня смотрела незнакомка. Голубые глаза всё ещё не покраснели от слёз. Я научилась не плакать. Пока нет. Вишнёвые волосы, которые я выкрасила в начале лета, сейчас смотрелись тускло, но выглядели ярким пятном на фоне всей этой идеальности. Они торчали из-под бейсболки, непослушно развиваясь на ветру. Я носила слишком широкие джинсы, потёртые на коленях, тяжёлые берцы, которые добавляли мне три сантиметра роста, и выцветшую чёрную толстовку с капюшоном, который я натягивала на глаза, когда не хотела, чтобы меня видели. Или когда не хотела видеть мир.

— Может, здесь нам понравится больше? — папа старался звучать бодро, но в его голосе сквозила неуверенность. Он тоже не знал ответа.

Я промолчала. Восемь часов в машине, тряска, запах бензина и отцовское беспокойство. Я вряд ли буду скучать по улицам Розуэлла — по его серым домам и вечно занятым соседям, — но и на Уиллоу я не надеялась. Я перестала надеяться три месяца назад, когда мамин гроб опустили в землю.

— Сколько нам осталось ехать? — спросила я, сжимая в кармане пачку сигарет. От картона было тепло.

Хотелось поскорее сделать затяжку.

— Мы уже заехали, — папа указал на вывеску слева. Чёрные буквы на белом фоне: «Добро пожаловать в Уиллоу. Частное владение».

Мы проехали под ней, и город открылся перед нами, как музей под открытым небом. Особняки.

Нет, коттеджи, как их здесь называли. Огромные, с белыми колоннами, верандами, идеальными лужайками, которые спускались прямо к океану. Яхты в бухте сверкали на солнце, как игрушки в витрине дорогого магазина.

— А здесь живут богачи, — сказала я, и в моём голосе прозвучало что-то среднее между отвращением и завистью. — Не верю, что бабушка живет здесь.

— Да, — мрачно кивнул папа.

Мы с бабушкой не были особо близки. Всё, что я знала о ней, — она организовывала вечера в чьём-то клубе и иногда приезжала к нам в Розуэлл с дорогими подарками, которые мы не могли принять. Она всегда выглядела так, будто сошла с обложки журнала, и я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась по-настоящему.

Во время похорон я не могла рассматривать район или разглядывать дома. Всё, что осталось в моей памяти, — могила.

Чёрная земля.

Венки.

Дождь, который шёл весь день, как будто мир тоже оплакивал маму.

Папа сбавил скорость, и я рассматривала идеальные лужайки. Никаких сорняков. Никакого мусора. Даже газонокосилки, стоящие у домов, выглядели как произведения искусства. Я почувствовала, как внутри нарастает глухое раздражение.

— Как думаешь, сколько в этом доме спален? — спросила я, кивая на особняк слева. Папа не ответил. — Ставлю, что минимум десять.

— Начинается интересная жизнь, — проворчал он, и я уловила в его голосе горечь.

Он тоже не хотел этого переезда. Но бабушка настояла. После маминых похорон, которые прошли здесь, в Уиллоу, она сказала: «Ты не можешь оставаться там один. Приезжайте. Я помогу». Тоби Кин, который привык быть сильным, не смог отказаться. Пришлось продать автомастерскую — единственное, что у нас было, — попрощаться с друзьями и начать новую жизнь.

Я знала, как ему тяжело. У него были друзья в Розуэлле. У него была мастерская, которую он любил. Теперь у него есть только я и этот идеальный, фальшивый город. И бабушка, которая смотрит на него так, будто он украл у неё дочь много лет назад.

Прошло всего три месяца. Три месяца с того дня, как мама умерла. Почти сразу после моего дня рождения. Четырнадцать лет, и вот я должна повзрослеть.

Я почувствовала, как глаза начало щипать, а к голове прилил жар. Знакомое ощущение. Я зажмурилась на секунду. Так, стоп. *Соберись, Кива*. Ты не будешь плакать. Ты дала себе слово.

Папа свернул на подъездную дорожку. Дом бабушки оказался огромным — белый, с высокими окнами и аккуратными ставнями. У входа росли кусты роз, которые выглядели так идеально, будто их посадили только вчера.

Папино напряжение передалось мне, и я резко почувствовала, что хочу сбежать. Прямо сейчас. Открыть дверь и бежать к тому самому океану, который я видела вдалеке, пока мы ехали.

Но я не могла. Ради папы я должна быть сильнее. Мы вместе сильнее. Он сказал так вчера вечером, когда мы собирали вещи, и я запомнила его слова. Они были единственным, что держало меня на плаву.

Я медленно расстегнула ремень безопасности, взяла рюкзак и вышла из машины. Воздух пах солью и деньгами. Идеальный, чистый воздух, от которого хотелось кашлять.

Дверь коттеджа открылась раньше, чем я успела сделать шаг. Бабушка вышла на крыльцо — сдержанная улыбка, светлый костюм, туфли на невысоком каблуке. Она выглядела так, будто собиралась на светский раут, а не встречала внучку, которая спала в машине последние восемь часов и не мылась двое суток. Мои потертые джинсы, рваные на коленях, и берцы со следами засохшей грязи внезапно покраснели.

Я чувствовала себя чужачкой.

— Здравствуйте, миссис Кин, — поздоровался папа. Его голос звучал официально, как на собеседовании.

— Зови меня Холли, Тоби, — ответила бабушка и повернулась ко мне.

В её глазах мелькнуло что-то, от чего я растерялась. Она смотрела на меня так, будто видела призрака.

— Кива, милая, — сказала она и шагнула ко мне.

Она была ниже меня на голову — хрупкая, сухонькая старушка в идеальном костюме. Но она притянула меня к себе так крепко, что я на мгновение забыла, как дышать. Её голова легла мне на плечо, и я почувствовала запах её духов, совсем не такой, как у мамы.

— Привет, — сказала я неловко, с испугом глядя на папу. Он стоял с открытым ртом, как будто тоже не ожидал такой встречи.

Бабушка отпустила меня так же внезапно, как и обняла, но её руки всё ещё лежали на моих плечах. Она заглянула мне в глаза, и уголки её губ дрогнули.

— Точная копия, — прошептала она. — Ты — вылитая Кива. И этот взгляд, и эти волосы. Да, мою маму тоже звали Кива.

Я не знала, что ответить. В горле снова встал ком. Бабушка убрала руки и выпрямилась, натягивая свою идеальную улыбку обратно, как маску.

— Тоби, занеси вещи в дом, — скомандовала она, и в её голосе послышались стальные нотки. — Я покажу вам комнаты.

Мы вошли внутрь. Мраморный пол, хрустальная люстра, лестница, которая уходила вверх, как в каком-нибудь фильме про старые деньги. Я чувствовала себя неуклюжей, с моими грязными ботинками, которые оставляли следы на белоснежном мраморе, и вишнёвыми волосами, которые казались здесь дикими.

Бабушка вела нас по коридору, указывая на двери: «Это гостиная. Это столовая. Это библиотека, если хочешь почитать». Я почти не слушала. Мои пальцы сжимали пачку сигарет в кармане, как талисман.

Она остановилась у высокой белой двери и открыла её.

— Это твоя комната, Кива.

Я вошла и замерла. Комната была просторной, светлой, с большим окном, выходящим в сад. На стенах — старые фотографии в рамках. На тумбочке — книги. И запах... сладкий, знакомый. Так пахла мамина одежда.

Бабушка стояла в дверях, глядя на меня.

— Это была комната твоей матери. Я оставила здесь всё, как при ней.

Она посмотрела на меня ещё раз долгим, тёплым взглядом, в котором я видела боль.

— Если хочешь, я могу показать тебе город завтра, — сказала она мягко. — Здесь есть места, которые она любила. Пляж. Причал. Я покажу тебе их.

Я кивнула, не в силах говорить. Она улыбнулась, вышла и закрыла дверь, оставив меня одну.

Я стояла посреди комнаты, которая когда-то принадлежала моей матери. Смотрела на её старые фотографии — она смеялась, она была такой же молодой, как я сейчас. На одной фотографии она стояла на причале, рядом с другими ребятами, и у неё были такие же вишнёвые волосы, как у меня. Такое же фото хранилось и в Розуэлле. Собственно, это и заставило меня сменить имидж. Хотелось быть ближе к маме.

Я подошла к окну. Внизу, в саду, папа тащил чемоданы, а бабушка Холли говорила ему что-то с каменным лицом. Я не слышала слов, но видела, как он сжал челюсти.

Наверное, у них будет долгий разговор.

Я вытащила сигареты из кармана и сунула их под подушку. Потом села на край огромной белой кровати и посмотрела в окно на океан, который виднелся вдалеке, за идеальными лужайками и соснами.

Глава 2

17 августа, Кива, 14 лет

Я не знала, готовила ли бабушка эту еду сама или заказывала в каком-нибудь ресторане, но было безумно вкусно. Я и не заметила, как проголодалась за время в машине. Мы сидели в огромной столовой за столом, за которым могли бы поместиться человек двенадцать, и я чувствовала себя крошечной на фоне этих хрустальных люстр и белоснежных скатертей.

— Кива, мы с тобой столько должны сделать, — воодушевлённо сказала бабушка Холли. Она сидела напротив меня и улыбалась так тепло, что я почти поверила. — Завтра я покажу тебе город, познакомлю с соседями. Уиллоу — маленький, но здесь живут замечательные люди.

— Сначала нужно выбрать школу, — строго перебил папа. Он сидел рядом со мной и ковырял вилкой салат, как будто это было его последнее занятие в мире. Я знала этот взгляд. Он думал о деньгах, о том, сколько стоят эти школы, и что мы не вписываемся сюда ни по статусу, ни по кошельку.

Бабушка бросила на него короткий, холодный взгляд, но голос остался прежним:

— Да. В Уиллоу две престижные школы: Академия Уиллоу и Сент-Митчелл. Мы обязательно посмотрим обе, и ты выберешь. Правда ведь, Кива?

Я кивнула, делая глоток сока, чтобы избежать разговора.

Яблочный сок.

Мама делала такой же.

От этой мысли в груди кольнуло, и я поставила стакан обратно, чтобы не разбить его из-за дрожащих рук.

— Может, есть то, чем ты хотела бы заниматься? — спросила бабушка. — Подростки здесь занимаются музыкой, танцами, спортом... У нас отличная гребная команда, например.

Гребная команда.

Я представила себя в лодке, в идеальной белой форме, с идеальными людьми, которые улыбаются идеальными улыбками.

Меня затошнило.

— Я устала, — перебила я, отодвигая тарелку. Еда в миг стала тяжёлой в желудке. — Пап, можно я пойду в комнату?

Он посмотрел на меня с пониманием.

— Конечно, Кива, — сказал папа рассеянно, а затем повернулся к бабушке. — Она устала от долгой поездки, но обязательно выберет что-то для себя.

— Да, конечно, — бабушка снова натянула вежливую улыбку, но уголки ее губ дрогнули. — Доброй ночи, милая. Если захочешь пить — в твоей комнате есть вода.

Я поднялась из-за стола, чувствуя на себе их взгляды. Папин — усталый и обеспокоенный. Бабушкин — изучающий, тёплый и немного грустный. Она явно видела во мне маму, но я не была ею.

Комната встретила меня тишиной. Я щёлкнула замком, закрывая дверь, и прислонилась к ней спиной, переводя дыхание. Слишком много белого. Слишком много идеальных вещей. Слишком много вопросов.

Я подошла к чемодану и расстегнула молнию. Серая толстовка лежала сверху, и я быстро переделась в нее, сбросив джинсы и футболку, в которых просидела восемь часов. Толстовка пахла домом в Розуэлле. Табачным дымом, отцовским потом и чем-то родным, что я еще не забыла.

Зеркало возле окна показало мне отражение. Вишнёвые волосы уже начали отрастать, на корнях проступали мои родные каштановые. Я провела пальцами по прядям, разглядывая себя. Глаза — мамины, голубые. Нос — папин, чуть вздёрнутый. Толстовка висела мешком,

скрывая фигуру. Я специально носила такую одежду, чтобы никто не смотрел на меня, чтобы я могла быть невидимой.

Захватив пачку сигарет, которую я спрятала под подушку, я подошла к окну. К счастью, поселили меня на первом этаже. В Розуэлле, чтобы сбежать из дома, мне приходилось лезть через дерево, царапая колени и рискуя сломать шею. Здесь — просто приоткрыть створку и прыгнуть на мягкую траву.

Я сделала это бесшумно. Мои берцы мягко ступили на газон, и я на секунду замерла, прислушиваясь. В доме было тихо. Папа и бабушка, кажется, ещё сидели на кухне. Их голоса доносились приглушённо, и я не разбираю слов.

Отлично.

Я пошла вперёд, засунув руки в карманы толстовки. Солнце уже скрылось за горизонтом, оставив после себя только багровую полосу, которая медленно таяла в темноте. На улице стало прохладно — влажный ветер с океана пробирал до костей. Фонари освещали улицу тусклым жёлтым светом, а в окнах коттеджей горел тёплый свет.

Жизнь. Чужая, но жизнь.

Я шла на шум океана.

Он был повсюду. Этот глухой, мерный рокот, который убаюкивал и одновременно будил что-то внутри. В голове не было мыслей, кроме одной.

Мама росла здесь.

Ходила по этим улицам.

Она говорила, что в детстве ни в чём не нуждалась, что у неё было всё — любящая семья, друзья, дом у моря.

Неужели она променяла это всё на папу? На наш крошечный дом в Розуэлле, на запах бензина из его мастерской, на вечные ссоры о деньгах?

Почему они не остались здесь?

Я не знала.

Мама редко говорила о прошлом. Она улыбалась, когда я спрашивала, и говорила: «Иногда нужно уйти, чтобы понять, где твой дом». Я никогда не понимала этих слов. И сейчас, глядя на идеальные дома и идеальные лужайки, я не понимала их ещё больше.

Уиллоу оказался крошечным. Через пять минут я уже проваливалась в песок, чувствуя, как он скрипит под моими берцами. Воздух здесь пах солью и водорослями — настоящий, живой запах, который перебивал приторную идеальность города.

Я остановилась на линии прибоя, глядя, как волны лижут песок. Темнота скрывала горизонт, и казалось, что океан сливается с небом в одну бесконечную чёрную массу. Здесь никого не было. Только я, океан и луна, которая висела низко, как фонарь.

Или нет.

Я заметила свет. Маленький, белый, который дрожал в руках человека. Кажется, не я одна решила побыть одна.

Маленькая фигурка стояла возле спуска из чьего-то дома, прямо на песке, и светила фонариком в мою сторону. Слепящий луч ударил в лицо, и я зажмурилась, прикрывая глаза рукой.

— Эй! — крикнула я, но ветер унёс мой голос.

Я пошла к ней. Она не двигалась, просто стояла и ждала. Чем ближе я подходила, тем яснее видела её очертания. Худенькая, в пижаме. В руках была палитра с красками, а рядом стоял мольберт с холстом. Босая. Волосы — светлые, почти белые в лунном свете.

Странная.

Определённо странная.

Только странный человек будет рисовать на пляже ночью в пижаме.

— Привет, — сказала я неловко, потому что не привыкла начинать разговоры первой. Обычно люди сами подходили ко мне, если в этом была необходимость, но чаще — обходили стороной.

Девочка молчала.

Её зелёные глаза рассматривали меня снизу вверх, от моих грязных берцев до вишнёвых волос, которые торчали из-под капюшона. Она была небольшого роста, примерно четыре с половиной фута, и выглядела так, будто её только что вынесло из дома волной.

— Мы знакомы? — спросила она наконец. Голос был тихим, безэмоциональным, но в нём слышалась настороженность.

— Нет.

— Ясно, — сказала девочка и отвернулась к холсту, как будто разговор был закончен.

— Что рисуешь? — спросила я, чувствуя себя странно. Обычно я не задавала вопросов незнакомым людям. Мне было всё равно. Но эта девочка... в ней было что-то, что заставляло меня остаться.

— Тебе не понравится, — сказала она спокойно.

— Я же ещё не видела, — возразила я.

Она не ответила, снова взяла кисть и начала наносить краску на холст. Я заметила, что она работает быстро, будто знала каждый штрих заранее. Я смотрела на неё несколько секунд, а потом села на песок и достала сигарету.

Зажигалка чиркнула в полумраке, и кончик сигареты загорелся красной точкой. Я глубоко затянулась, чувствуя, как дым наполняет лёгкие, и тёплая волна растекается по телу, успокаивая нервы. Голова чуть закружилась, и я закрыла глаза на секунду.

— Сядь на другую сторону, чтобы на меня не шёл запах, — сказала Эмери, не оборачиваясь.

Я усмехнулась.

— Конечно.

Я перебралась на другую сторону, устроившись на песке в паре метров от неё. Вид на океан отсюда был даже лучше — луна висела прямо над линией горизонта, рассыпая серебряную дорожку по воде.

— Сколько тебе лет? — спросила она, сощурив глаза.

— Четырнадцать, — ответила я честно. — А тебе?

— Тринадцать, — она присела на корточки прямо передо мной, и я заметила, что её глаза вблизи переливались разными оттенками зеленого. — У тебя красивые волосы.

Я растерялась.

— Э... Спасибо, — я пожала плечами и под её настойчивым взглядом сделала ещё одну затяжку. Дым вырвался изо рта и растворился в ночном воздухе. — Хочешь? — я протянула ей сигарету.

Она покачала головой.

— Я не хочу умирать раньше времени. У меня ещё есть планы.

Я хмыкнула.

Планы.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она, возвращаясь к мольберту. — Что-то про себя.

Я хотела сказать «нет».

Я не рассказываю о себе незнакомцам.

Но слова вылетели сами собой, как будто кто-то открыл кран, который я так долго держала закрытым.

— Моя мама умерла в июне, — сказала я.

Голос прозвучал ровно, хотя внутри всё сжалось.

— Жаль, — ответила Эмери без смущения.

— Да, жаль, — повторила я.

— Как тебя зовут? — спросила она, снова поворачиваясь ко мне.

— Кива.

— А фамилия?

— Э... Кива Кин, — добавила я.

Станный вопрос. На всех знакомствах в Розуэлле спрашивали только имя. Фамилия была не важна. Но здесь, в Уиллоу, похоже, всё было иначе. Фамилия говорила о статусе, о твоём месте в мире.

— Я Эмери Скотт, — девочка жутко улыбнулась, и я поняла, что что-то в ней не так, но не могла понять, что именно.

Было в ней что-то чудное. Какая-то пустота за глазами. Или, наоборот, слишком много всего, что она прятала за этой тихой улыбкой.

Я докурила сигарету, потушила окуроч и сложила его обратно в пачку, чтобы не мусорить. Шум океана звучал успокаивающе. Я бы хотела находиться здесь вечно.

Эмери больше не задавала вопросов.

Она рисовала, а я смотрела на воду. Мы молчали, и это молчание приносило спокойствие.

Прошло больше получаса.

Мысли не плыли в голове. Я продолжала сидеть и смотреть, как луна дрожит на волнах. А Эмери закончила рисовать, сняла холст и повернула его ко мне.

— Как тебе? — с улыбкой спросила она, выглядывая из-за холста.

Я опустила взгляд на рисунок.

Это был тот же пейзаж, на который я смотрела последние минуты. Та же луна, те же волны. Но на рисунке ещё был человек. Точнее, часть головы и рука, торчащая из воды. Человек плавал. Или тонул.

— Если человек плавает, то выглядит странно, — сказала я.

— Он не плавает.

— А что он делает?

— Тонет, — сказала она.

Я нахмурилась.

— Тонет?

Зеленые глаза ничуть не смутились. Она смотрела на меня с какой-то детской, почти жуткой улыбкой.

— Иногда хочется утонуть, — сказала она. — Но я всегда вынырываю.

Эти слова упали в тишину как камень.

Я не знала, что ответить. В её голосе не было угрозы.

— Ты странная, — сказала я наконец.

— Я знаю, — ответила Эмери.

Она вернула холст на мольберт и начала собирать краски.

— Мне пора, Кива. Ещё увидимся.

— Конечно, — ответила я.

Эмери свернула всё в сумку, взяла холст и помахала мне на прощание. Я помахала в ответ, наблюдая, как её маленькая фигура исчезает в темноте.

Что ж. Неплохое начало, да?

Я поднялась, отряхнула песок с джинсов и направилась обратно в дом.

Улицы были пусты.

Дом бабушки встретил меня тишиной.

Я тихо закрыла окно, сняла берцы и забралась в огромную кровать, которая пахла мамой.

Или мне хотелось, чтобы это было так.

Глава 3

18 августа, Кива, 14 лет

— В шкафу осталась кое-какая одежда твоей мамы, — сказала бабушка, заглянув в мою комнату. Её голос звучал робко, как будто она не хотела давить на меня. — Можешь найти там что-то нарядное, если захочешь.

Я оторвалась от телефона и уставилась на неё. Бабушка стояла в дверях, чуть склонив голову набок, и смотрела на меня с той же тёплой, изучающей улыбкой, что и прошлым вечером. Она уже переделалась из утреннего костюма в легкое льняное платье. Её волосы были уложены в аккуратную причёску, а на шее поблёскивала тонкая серебряная цепочка с маленьким кулоном.

Она выглядела так, будто собиралась на светский приём, а не просто показывать внушке город.

— Зачем мне наряжаться? — спросила я, настороженно следя за ней. — Мы же просто поедем смотреть школы.

Бабушка уже шагнула в комнату и подошла к встроенному шкафу, который занимал целую стену. Она открыла дверцы, и я увидела ряды вещей — аккуратно развешанные платья, блузки, жакеты. Все они выглядели так, будто их купили вчера, хотя бабушка сказала, что они хранятся здесь много лет.

— Это Уиллоу, Кива, — сказала бабушка, перебирая вешалки и напевая себе под нос какую-то мелодию, которую я не знала. — Здесь все наряжаются.

— Я не люблю быть в центре внимания, — ответила я, зарываясь глубже в свою серую толстовку, как в броню.

Бабушка выглянула из шкафа, и на её лице появилась та самая понимающая улыбка, которая меня одновременно успокаивала и раздражала.

— Поэтому покрасила волосы в красный? — спросила она, и в её глазах мелькнул озорной огонёк.

Я нахмурилась, чувствуя, как щёки начинают предательски теплеть.

— Нет, — буркнула я, но настоящую причину не раскрыла.

Я скучала по маме.

Каждый день.

Каждый час.

Каждую минуту.

Я красила волосы в тот день, когда нашла старые фото. В юности мама тоже красила волосы. И я захотела увидеть в зеркале её глаза. Чтобы отражение не переставало напоминать мне о ней.

Но говорить об этом вслух было так трудно.

Почти невозможно.

Я сжала пальцы в кулаки и уставилась в пол.

Бабушка Холли, не обращая внимания на моё молчание, уже доставала что-то из шкафа. Её руки двигались с удивительной нежностью.

— Вот, посмотри, — она извлекла на свет платье, и я ахнула про себя. Голубое. Тонкие лямки. Лёгкая, почти невесомая ткань, струящаяся, как вода.

Оно было красивым. Слишком красивым для меня.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответила я с сомнением, сжимая ткань толстовки в пальцах.

— Кива, ты прячешь свою прекрасную фигурку под такими огромными вещами, — бабушка жалобно посмотрела на меня, прижав платье к груди, словно моля о пощаде.

— Я не люблю наряжаться, — повторила я, чувствуя, как раздражение начинает закипать где-то в груди.

— Сегодня твоё знакомство с Уиллоу, — бабушка подошла ближе и аккуратно положила платье на кровать рядом со мной. — Сделай это ради меня.

Я посмотрела на платье. Голубая ткань переливалась на солнце, и я провела по ней пальцами. Она была гладкой, холодной и почему-то родной.

— Мама любила такое, — сказала я тихо. Слова вырвались сами собой, и я тут же пожалела о них.

Бабушка замерла.

— Она носила его летом, — сказала она едва слышно. — Мы сшили его вместе.

Я резко отдернула руку, как будто платье обожгло меня.

— Но я не она, — сказала я, и голос прозвучал резче, чем я хотела.

В глазах бабушки мелькнула боль, но она быстро взяла себя в руки.

— Сегодня будет жарко, — сказала она тихо. — Надень его хотя бы для того, чтобы не расплавиться под солнцем.

— Ты меня стыдишься? — спросила я, когда бабушка слишком долго разглядывала мои вещи в открытом чемодане. Моя серая толстовка, рваные джинсы, старые кеды — всё это выглядело неуместно на фоне идеального интерьера комнаты.

Бабушка подняла на меня глаза. Я ждала, что она скажет что-то колкое, что-то обидное, что оправдает моё раздражение, но она лишь покачала головой.

— Разумеется нет, — сказала она мягко. — Я знаю, каково это — быть другой.

Я уставилась на неё в замешательстве. Но она уже отвернулась.

— Меня не заботит то, как я выгляжу, ясно? — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Одежда должна быть удобной.

— Кива, — раздался голос от двери.

Я обернулась. В дверях стоял папа. Он выглядел уставшим, но его взгляд был, как всегда, строгим.

— Будь повежливее, — предупредил папа.

Я закатила глаза. Замечательно, он встал на сторону бабушки.

— Ничего страшного не произошло, Тоби, — ответила бабушка, поправляя платье на кровати. — Мы просто обсуждали гардероб. Что ж, я пойду собираться.

Она вышла, оставляя нас с папой вдвоём. Дверь мягко закрылась за ней, и повисла тишина.

— Я понимаю, что тебе трудно, — сказал папа. Он подошёл ко мне и сел на край кровати, тяжело вздохнув. — Но не нужно срываться на семье. Что тебе сделала бабушка?

— Она попросила меня надеть платье мамы, — я указала на голубую ткань, которая лежала рядом со мной как обвинение.

Папа посмотрел на платье. Его лицо дрогнуло. На секунду я увидела в его глазах ту же боль, которую чувствовала сама.

— Надень это платье, Кива, — попросил он, и его голос стал почти шепотом. — Будь хорошей девочкой.

— Папа.

— Кива.

— Папа.

— Кива Грейс Кин, — папа сложил руки на груди и изогнул бровь. Я узнала этот взгляд. Он всегда так смотрел, когда хотел показать, что я не должна перечить.

— Это нечестно, — возмутилась я. — Ты используешь моё полное имя, чтобы манипулировать мной!

— Ты сама меня вынуждаешь использовать запрещённый приём, — усмехнулся он. —
Прошу тебя. У нас у всех общее горе.

— Для ребёнка мама — весь мир, — поспорила я, и голос предательски дрогнул.

Папа посмотрел на меня. Долго. Тяжело. Его глаза стали влажными.

— Ты потеряла маму, — сказал он тихо. — Я потерял любовь всей своей жизни. А твоя бабушка потеряла дочь. Она пришла на похороны, видела, как мы закапывают её ребёнка, и уехала одна в этот огромный дом. Понимаешь, каково это — быть одной в доме, где каждый уголок напоминает о ней?

Я сглотнула. В горле встал ком.

— Я надену это платье, — выдохнула я, глядя в пол.

Папа облегчённо кивнул.

— Так-то лучше.

Он поднялся, подошёл ко мне, легко коснулся плеча и вышел, тихо закрыв дверь.

Я упала на кровать и уставилась в потолок. Белый. Идеальный. Без единой трещинки.

За что мне всё это?

В следующий раз бабушка захочет заплести мне косички? Я подросток, а не ребёнок.

Я снова села и посмотрела на платье. Оно было милым. Лёгким. Летним. Мама любила такое. Но я не ношу ничего милого.

Я переборолала себя, сняла толстовку и переоделась. Голубая ткань скользнула по коже, и я почувствовала себя голой. Но это было не самое страшное.

Я оставила свои коричневые берцы, хотя они смотрелись с платьем как корабль в пустыне. Мне было плевать. Я подошла к зеркалу и замерла.

Не знаю, какого роста была мама в моём возрасте, но платье едва прикрывало бёдра. Я почувствовала себя чужой в этом теле. В этом платье. В этом городе.

— Какой позор, — прошептала я, закрывая лицо руками. — Боже, какой позор.

Волосы лёгкой волной спадали до талии. Я провела пальцами по прядям, чувствуя, как они скользят между пальцами. Это была единственная часть меня, которая казалась настоящей.

Бабушка ещё не знает, насколько я далека от платьев, причёсок и мальчиков. Я была в женском теле, но не была обычной девочкой. Я никогда не была ею. И меня это устраивало.

Я взяла телефон и вышла из комнаты.

Папа сидел в гостиной на диване, читая какую-то книгу. Он поднял глаза, увидел меня, и на его лице появилась улыбка. Одна из тех, что я видела редко после маминой смерти.

— Я горжусь тобой, Кива, — сказал он.

Я почувствовала себя неловко. Платье заставляло гореть мое тело, а взгляд папы был слишком тёплым, слишком напоминающим о маме.

Я хотела сказать что-то колкое, но промолчала.

Бабушка появилась через несколько минут. Она стояла в дверях гостиной, и когда увидела меня в платье, её глаза заблестели.

— Ты такая красавица, Кива, — прошептала она. — Ты... ты точно вылитая она.

— Э... Спасибо, — ответила я и резко отвернулась.

Не трудно было догадаться, кого она во мне видела. Но я не хотела унывать прямо сейчас. Не хотела думать о маме. Не хотела плакать. Я просто хотела, чтобы этот день поскорее закончился.

— Какие планы на сегодня? — спросил папа, кашлянув.

— Сначала посмотрим школы, — воодушевилась бабушка, беря ключи со столика. — А после, если Кива не будет против, я покажу ей одно чудесное кафе возле океана. У меня как раз там дела.

— Без проблем, — согласилась я.

— Отлично! — бабушка улыбнулась, и её улыбка была искренней. — Тогда выходим.

На улице было безумно жарко. Солнце палило прямо в глаза, и я тут же пожалела, что надела платье — тонкая ткань почти не спасала от жары.

Я хотела бы быть такой же энергичной, как бабушка. Она шла впереди, размахивая ключами, и её шаги были лёгкими и быстрыми.

— Я сяду сзади, — сказала я, когда бабушка открыла свою машину.

Она хотела что-то сказать, но я уже скользнула на заднее сиденье. Мне казалось, так я буду чувствовать себя свободнее.

Мерседес бабушки был роскошным. Белый кожаный салон, кондиционер, пахло дорогим парфюмом и свежестью. Я смотрела в окно на идеальные улицы Уиллоу, на коттеджи, на людей в идеальных нарядах, которые прогуливались по идеальным тротуарам.

Бабушка выехала на дорогу.

— Волнуешься? — спросила она, поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

— Мы же просто посмотрим на школы и поговорим с директорами, — ответила я, отворачиваясь к окну.

— Всё равно — новое место, — возразила бабушка. — Неужели неинтересно?

— Всё будет как раньше, — сказала я. — Я просто буду ходить в школу, а после школы — домой.

— А подруги?

Я пожала плечами.

— Их не было и вряд ли будут. Никто не захочет дружить с такой странной, как я.

— Ох, милая, — бабушка мягко улыбнулась. — Ты вовсе не странная.

— Не надо меня жалеть, — сказала я, нахмурившись. — Я в порядке.

— Это не жалость, Кива, — бабушка покачала головой. — Хорошие друзья на дороге не валяются. Но когда они появляются, ты сразу это понимаешь.

— Я отлично проводила время с мамой и папой, — возразила я, и слова прозвучали слишком громко в тишине машины.

Бабушка многозначительно кивнула, но больше не задавала вопросов. Она просто вела машину, а я смотрела в окно.

Я не хотела этого признавать, но Уиллоу был красивым городом.

Узкие улочки, старые дубы с ветвями, склоняющимися к земле, яркие цветы в палисадниках. Жители улыбались друг другу, и в этом было что-то почти сказочное.

Я завидовала их лёгкости, спокойствию и умению жить в идеальном мире.

— Расскажи мне про школы, — попросила я, чтобы заполнить тишину в машине.

— В Уиллоу есть две старшие школы, — начала бабушка. — Рядом с нами — Сент-Митчелл, до нее можно дойти пешком. А в другом конце города находится Академия Уиллоу.

— Чем они отличаются? — спросила я.

— В Сент-Митчелле больше спортивных программ, — ответила бабушка. — Особенно по гребле. Наша команда считается одной из лучших в Южной Каролине.

— То есть для меня нет значительных отличий? — уточнила я.

— Получается, что так, — бабушка весело подмигнула мне в зеркало заднего вида. — Левая часть города традиционно выбирает Сент-Митчелл из-за его близости к океану. Но ты выбирай из того, что тебе понравится. Папа или я будем отвозить тебя. И у них есть школьный автобус.

— Хорошо.

Академия Уиллоу выглядела как новое современное здание — стёкла, хром, бетон. Работники убирали газон, хотя он и так выглядел идеально, и я невольно закатила глаза.

Мы с бабушкой припарковались и зашли внутрь. Прямо у входа нас встретил директор. Он был высоким, стройным, в костюме-тройке, с идеально завязанным галстуком. На лице застыла профессиональная улыбка.

— Добро пожаловать, миссис Кин, — поприветствовал он, протягивая бабушке руку. — Кива, рад познакомиться.

— Здравствуйте, — сказала я неловко.

— Я директор Академии Уиллоу — Самуэль Келли, — представился он. — Я проведу вас по школе и покажу, где находятся классы и столовая.

Я неловко кивнула, и мы втроём отправились на экскурсию.

Школа впечатляла. Большое количество современной техники, интерактивные доски, огромный спортивный зал с бассейном. Всё было новым, стерильным и холодным.

Я чувствовала себя, как в музее современного искусства, где на всё можно смотреть, но трогать нельзя.

— У нас отличные лаборатории для естественных наук, — говорил директор Келли. — А также мы гордимся нашим театральным кружком.

Меня расстроило, что в обеих школах есть школьная форма. Я надеялась, что смогу носить свои джинсы и толстовку весь год, но в Уиллоу, видимо, было принято одеваться одинаково.

— Форма в Академии — серая, — сказал директор, показывая образец на стенде. — Для девочек — юбка, жакет и галстук.

Я с трудом сдержала стон.

Мы попрощались с директором, и бабушка повезла меня в Сент-Митчелл.

— Где училась мама? — спросила я, когда мы поднимались по широким каменным ступеням второй школы.

— Здесь, — ответила бабушка.

Её голос был тихим, почти благоговейным.

Старшая школа Сент-Митчелл выглядела как роскошный замок. Старая кирпичная кладка, высокие окна, витражи. Внутри сохранился классический интерьер — паркетный пол, деревянные панели на стенах, но рядом с этим стояли современные компьютеры, тренажёры и бассейн.

— Это как музей, — пробормотала я, оглядываясь.

— Здесь учились поколения, — сказала бабушка. — Это традиции.

Директор Мэтью Митчелл оказался полной противоположностью Самуэля Келли — низкий, коренастый, с добрыми глазами и смешливым голосом. Он вёл нас по коридорам с такой гордостью, как будто показывал собственный дом.

— У нас сильная команда по гребле, — сказал он, кивая на стенд с фотографиями. — Её возглавляет Макс Скотт, настоящий талант!

Но больше всего меня поразила форма. В ужасном смысле. В Сент-Митчелле она была тёмно-синей. Для девочек обязательно носить белые гольфы и красные балетки в тон швам на форме.

В тон швам!

— Ну они и странные, — прошептала я себе под нос, поёжившись от такой дотошности.

Бабушка рассказывала, что основателем школы был предок нынешнего директора — Мэтью Митчелл-старший. Кажется, шестое поколение.

Обе школы показались мне огромными, и когда мы наконец сели в машину, я почувствовала, как устала. Ноги гудели, а голова раскалывалась.

— Пока я буду говорить, ты можешь отдохнуть на террасе с коктейлем, — сказала бабушка, и я впервые за день почувствовала облегчение. — «Пиратская бухта» пользуется большой популярностью.

— Что-то холодное мне не помешает, — согласилась я.

— В какой школе понравилось больше? — спросила бабушка, когда мы выехали на дорогу. Её вопрос застал меня врасплох.

— Они одинаковые, — сказала я, вглядываясь в знакомые уже очертания коттеджей. — Я же могу подумать?

— Конечно, милая.

Мы завернули на песчаную дорожку, и я почувствовала знакомый запах океана. Мои берцы утонули в песке, и я сразу посмотрела в ту сторону, где ночью сидела с Эмери. Там никого не было.

Я шла за бабушкой к бару у берега. На вывеске было написано: «*Пиратская бухта*».

— Вот моя карта, — бабушка протянула мне пластиковую карту из кошелька. — Покупай, что захочешь.

— Спасибо, — неловко ответила я, принимая её.

Я подошла к кассе и начала изучать меню, игнорируя мысли, что мне здесь не место. Мои пальцы нервно теребили край карты.

— Уже выбрала? — спросил парень, стоявший за кассой. Он улыбнулся мне с лёгкостью, которая казалась мне незнакомой.

— Э... Да, — ответила я, поднимая глаза. — Клубничный коктейль.

— Я раньше тебя не видел здесь, — сказал он, не скрывая любопытства.

— Меня раньше здесь и не было, — ответила я.

— Я Квин. Квин Брэдли, — представился он.

— Кива Кин.

— Холли Кин — твоя...? — он вопросительно поднял бровь.

— Бабушка, — кивнула я.

Квин понимающе кивнул. Я чувствовала, как он рассматривает мои волосы и плавно опускает взгляд на платье.

Меня напрягало то, что здесь все должны меня знать. Или ассоциировать по фамилии бабушки. Если бы папа не взял фамилию моей мамы, я осталась бы здесь загадкой.

— Твой клубничный коктейль, Кива, — Квин поставил передо мной высокий стакан с розовой жидкостью. В нём плавали кусочки льда и ягоды, и он выглядел так красиво, что я почти пожалела, что не могу его сфотографировать.

— Э... Спасибо, — сказала я, принимая стакан. — Я оплачу картой.

— За счет заведения, — подмигнул Квин.

— Оу... Спасибо, — постралась улыбнуться я.

— Ты приехала на лето? — не отставал он.

— Нет, я переехала сюда.

— Это здорово, — обрадовался парень. Его карамельные глаза засветились, как у ребёнка, увидевшего игрушку. — Хочешь, я покажу тебе Уиллоу? Если ты, конечно, не против. Чёрт.

Я ощутила, как щёки предательски покраснели. Я не была готова к этапу знакомства с мальчиками. Я вообще не была готова к этому дню.

К моему счастью, кто-то позвал его с другой стороны зала.

— Эй, Брэдли!

Мы оба обернулись, хотя я сразу поняла, что не стоило этого делать.

За большим столом у окна сидела компания парней. Человек шесть. Они смотрели на нас — вернее, на меня — и я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Но хуже всего было то, что странная девочка с моря сидела среди них.

Эмери.

Она махала мне рукой, как старой подруге.

Парень рядом с Квином с удивлением спросил у меня:

— Вы знакомы?

— Кива, иди к нам! — крикнула Эмери, и её голос разнёсся по всему кафе.

Все посмотрели на меня.

Мои щёки стали розовее, чем клубничный коктейль.

Я хотела провалиться сквозь землю, но вместо этого сделала шаг вперёд и пошла к их столу с чувством обречённости.

— Всем привет, — выдавила я, едва слышно.

— Ребят, это Кива Кин! — объявила Эмери. — Мы с ней рисовали прошлой ночью на пляже.

— Я точно не помешаю? — прошептала я, наклоняясь к Эмери.

— Конечно нет, — она махнула рукой и показала на пустое место за столом. — Садись.

Я села, чувствуя себя неуютно под взглядами незнакомых парней.

— Смотри, — Эмери начала говорить, указывая на каждого по очереди. — Это Макс, мой брат. Рядом с ним — Джейми Смит, Закари Синклер и Томми Хьюз. Мальчик за кассой — Квин Брэдли, его семья владеет «Пиратской бухтой». А это Ноа и Брукс. Они все из команды по гребле.

— Я никого не запомнила, — пробормотала я, радуясь, что парни уже вернулись к своим разговорам.

Эмери хихикнула.

— Привыкнешь. Они все на самом деле нормальные. Ну, почти все. Мальчики такие странные. Чем занималась сегодня? — спросила она, в упор глядя на меня.

— Мы с бабушкой смотрели школы.

— Мы все из Сент-Митчелла, — сказала Эмери, и её глаза загорелись. — Умоляю, скажи, что ты выбрала её.

— Я ещё ничего не выбрала, — улыбнулась я, чувствуя, как напряжение начинает отпускать.

— Ты ведь переходишь в старшую школу? — уточнила она.

— Да.

— Мы могли бы учиться в одном классе, — Эмери подалась вперёд, и её зелёные глаза расширились. — Представляешь?

— Не уверена, что смогу привыкнуть к красным балеткам, — сказала я, и один из парней напротив усмехнулся.

— Все девочки в восторге от них, — заверила меня Эмери.

— Я люблю свои берцы, — ответила я, показывая под стол.

Когда я немного успокоилась и допила коктейль, появилась бабушка. Она стояла в дверях кафе с улыбкой на лице, и я поняла, что она наблюдала за мной всё это время.

— Кива, милая, нам пора, — сказала она.

Я встала, чувствуя, как холод коктейля разливается по телу.

— Всем пока, — сказала я на прощание и помахала Эмери.

Она ответила мне улыбкой.

— Ещё увидимся.

В Уиллоу было невозможно не увидеться.

Я вышла из кафе, проваливаясь в песок, и посмотрела на океан.

Впервые за долгое время я почувствовала, что этот день был не таким уж плохим.

Глава 4

18 августа, Кива, 14 лет

Мы вышли из кафе, и прохладный ветер с океана коснулся моего лица. После духоты внутри «Пиратской бухты» это было спасением. Я сделала глубокий вдох, наслаждаясь солёным воздухом, и на секунду закрыла глаза. Мои берцы утопали в песке, а я смотрела вдаль на океан, который переливался на солнце тысячами искр.

— Кто эти ребята? — спросила бабушка, когда мы подошли к машине. Она пыталась сделать вид, что ее не распирает от радости, но было трудно не заметить, как её глаза хитро блестят.

Первое, что она сказала мне, когда мы вышли из кафе, было: «Кива, ты говорила!» — с таким восторгом, будто я выиграла Олимпийские игры.

Я и не скрывала свои навыки общения. Просто не считала нужным их демонстрировать. Но бабушка, кажется, была в полном восторге.

— Какие-то местные, — сказала я, закатив глаза. — Не делай вид, что ты их не знаешь.

Бабушка улыбнулась. Она открыла дверцу машины и жестом пригласила меня сесть. Я скользнула на пассажирское сиденье и с облегчением выдохнула — кондиционер приятно обдувал разгорячённое лицо.

— Вы подружились? — спросила она, усаживаясь за руль.

— Не знаю, — честно ответила я, отворачиваясь к окну. — Я вообще не умею дружить.

— Ты разговаривала с Эмери, — сказала бабушка, и в её голосе послышалась какая-то странная нотка. — Она обычно необщительная, очень замкнутая девочка.

— Обычная, — я пожала плечами, хотя внутри меня кольнуло любопытство.

Эмери не казалась мне обычной, но я не была готова говорить об этом с бабушкой.

— Она из семьи Скоттов, — продолжила бабушка. — Её отец, Джексон, был другом твоей матери в детстве. Они вместе учились в Сент-Митчелле.

Я уставилась на бабушку.

— Мама дружила с отцом Эмери?

— Дружила, — бабушка вздохнула. — Они были очень близки. До того, как она уехала из Уиллоу и вышла замуж за твоего отца. Он был... очень расстроен, когда она уехала.

Я молчала. В голове крутились мысли. Джексон Скотт — отец Макса и Эмери. Друг мамы. Выходит, Эмери и Макс были теми самыми «детьми друзей», о которых мама иногда упоминала?

— Почему они перестали общаться? — спросила я.

— Не знаю, — бабушка покачала головой. — Твоя мама никогда не рассказывала. Может быть, она просто хотела начать новую жизнь. Подальше от Уиллоу.

Я хотела спросить ещё, но бабушка повернула ключ в замке зажигания, и машина мягко тронулась с места. Мы ехали по знакомой уже дороге, и я смотрела на проплывающие мимо коттеджи. Солнце уже начало клониться к закату, и лучи его окрашивали небо в тёплые розовые тона.

К счастью, мы быстро добрались до дома. Как только машина остановилась, я распахнула дверцу и выскочила наружу, чувствуя, как усталость наваливается на меня.

Перенасыщенный получился день.

Я хотела сходить в душ, покурить и запереться в комнате.

Запах домашнего уюта и чего-то вкусного встретил меня на пороге. На шум из кухни вышел папа. Он встретил нас с улыбкой и расправил руки, как делал всю мою жизнь. Только теперь ему не приходилось присаживаться. Я была с ним почти одного роста, но в его объятиях по-прежнему чувствовала себя маленькой.

— Моя девочка, — он притянул меня к себе, и я уткнулась носом в его футболку. Она пахла стиральным порошком и папой. — Повеселилась сегодня?

Я молча кивнула, утыкаясь в его плечо. Так было легче. Я не видела его глаз, и он не видел моих.

— Кива познакомилась с местными ребятами, — довольно сказала бабушка, заходя следом.

Папа чуть отстранился и заглянул мне в глаза.

— Правда? И как тебе они?

Я пожала плечами, отводя взгляд.

— Нормальные.

— Это стоит отметить мороженым, — заявил папа. — У нас в холодильнике есть клубничное.

Я хотела сказать, что я уже взрослая для мороженого, но передумала. Клубничное мороженое с папой на кухне? Почему бы и нет?

— А что насчёт школы? — спросил папа, возвращаясь к серьёзному тону. — Выбрала?

Я посмотрела на бабушку.

Она смотрела на меня с надеждой, и я вдруг поняла, что от моего выбора зависит что-то важное для неё.

— Да, — сказала я уверенно. — Сент-Митчелл.

Лицо бабушки осветилось такой радостью, что я растерялась. Она шагнула ко мне и крепко обняла.

— О, Кива, — прошептала она в мои волосы.

Я замерла. Мы все подумали об одном, но не говорили вслух. Говорить о маме всё ещё было трудно. Каждый раз внутри поднималась волна боли, которую я не могла контролировать.

Но в этот раз я почему-то не отстранилась. Может быть, потому что папа стоял рядом и улыбался. Может быть, потому что я видела, как бабушке важно, чтобы я здесь осталась.

Я сглотнула и отстранилась первой.

— Я хочу в душ, — сказала я, чтобы скрыть слёзы, которые начали подступать. — Я вся липкая от солнца и коктейля.

— Конечно, милая, — бабушка кивнула, отпуская меня. — Ужин будет через час.

Я кивнула и быстро вышла из гостиной, надеясь, что они не заметили, как дрожат мои руки. Поднялась наверх и закрыла дверь.

В комнате было тихо. Идеально чисто, как и вчера. За окном уже начал опускаться вечер, и последние лучи солнца золотили стены.

Я подошла к шкафу и достала свою старую серую толстовку. Тёплую, знакомую до боли. Переделась, сняв проклятое голубое платье, и почувствовала, как плечи расслабляются.

Я снова была собой.

Только Кива.

Никаких платьев, никаких идеальных улыбок.

Я села на кровать и уставилась в потолок. Потом достала телефон и написала отцу:

Кива: Пап, спасибо, что ты заставил меня надеть это платье. Это был хороший день.

Через минуту пришёл ответ:

Папа: Я всегда буду заставлять тебя пробовать новое, Кива. Даже если ты будешь злиться на меня всю жизнь. Я люблю тебя, моя девочка.

Я улыбнулась.

Глава 5

20 августа, Кива, 14 лет

Я стояла у открытого окна, вдыхая прохладный ветер с океана, и смотрела, как солнце играет на листьях старого дуба в саду.

В руках — сигарета.

Моя единственная постоянная компания за последние три месяца. Я сделала глубокую затяжку, чувствуя, как дым наполняет лёгкие, как тепло разливается по телу, успокаивая нервы.

В голове было пусто.

Или, наоборот, слишком много всего.

Последние дни были странными — школы, кафе, парни. И Эмери. Особенно Эмери. Я всё ещё не могла понять, что в ней такого, но она не выходила из головы.

— Кива, милая, подойди!

Голос бабушки раздался неожиданно, и я чуть не подавилась дымом.

Чёрт.

Чёрт-чёрт-чёрт.

Я быстро развеяла сигаретный дым рукой, затушила сигарету о подоконник и сунула окурочек в пачку. Сердце колотилось где-то в горле. Курить посреди дня в доме бабушки было безумно рискованной идеей. Я знала это, когда зажигала, но мне было плевать.

— Э... да, сейчас! — крикнула я, надеясь, что голос прозвучал ровно.

Я заметалась по комнате, как загнанный зверь, схватила освежитель для воздуха и принялась распылять его по всей комнате. Аромат «лесных цветов» смешался с дымом, создавая странный, тошнотворный запах. Я сняла толстовку, оставшись в майке и широких джинсах. Руки дрожали, когда я завязывала волосы в высокий хвост, хотя бы так они меньше пахнут дымом.

Я глубоко вздохнула и вышла из комнаты.

Бабушка стояла в коридоре у входной двери. Она была в своём очередном идеальном кремовом платье, с идеальной улыбкой на лице. Рядом с ней — Эмери. И ещё одна девочка.

Я остановилась как вкопанная.

Мне это кажется?

Я накурилась, а сейчас ловлю приход?

Но нет.

Передо мной действительно стояла Эмери в лёгком сарафане и сандалиях, а рядом с ней — другая девочка. Заметно выше Эмери, но всё ещё ниже меня. Её каштановые волосы, в точности как мои родные, были завязаны в две аккуратные косички, которые смешно торчали в стороны. Она улыбалась так широко, что я видела почти все её зубы.

— Кива, девочки пришли к тебе! — радостно проговорила бабушка. Она светилась. Внучка, у которой есть друзья! Подумать только.

— Ко мне? — переспросила я, чувствуя себя неловко.

— Привет! — Эмери радостно помахала мне.

— Э... привет, — ответила я, подходя ближе.

Бабушка отошла в сторону, но я чувствовала её взгляд. Она стояла в дверях гостиной и наблюдала за нами с такой улыбкой, что мне стало неловко.

Боже, какой позор.

Да, в Розуэлле у меня не было друзей, и это не конец света. Теперь бабушка Холли будет радоваться любому человеку, заговорившему со мной.

Меня волновало лишь то, что девочки смогли отвлечь бабушку от запаха сигарет. Я молилась, чтобы она не почувствовала его.

— Это Софи Синклер, — Эмери представила свою подругу. — Софи, это Кива Кин. Я про неё говорила.

Софи, чуть ли не прыгая от радости, быстро протянула мне руку. Её ладонь была маленькой и тёплой.

— Приятно познакомиться, — сказала я, пожимая её.

Софи потрясла мою руку, но не отпускала. Она смотрела на меня с таким восторгом, будто я была какой-то знаменитостью.

— И мне! — она подпрыгнула на месте. — Раз уж мы теперь дружим, — она сделала паузу и посмотрела на меня с таким выражением, будто я должна была подтвердить это. — Мы дружим?

Я растерялась. В Розуэлле никто никогда не спрашивал, дружим ли мы. Меня просто игнорировали.

— Э... Наверное, — ответила я неловко.

Софи просияла, как будто выиграла в лотерею.

— Хотела бы ты пойти с нами к океану? У наших братьев тренировка, а мы могли бы поплавать, — сказала она.

— Ты с нами? — спросила Эмери с надеждой.

Я замерла. Со мной такое было впервые.

— Я даже не знаю... — протянула я и почувствовала, как внутри поднимается паника. — У меня нет купальника.

Улыбки с лиц девочек спали. На мгновение повисла неловкая тишина, и я уже пожалела, что сказала это.

— Я найду тебе купальник! — неожиданно вклинилась в разговор бабушка. Она подошла к нам, сверкая улыбкой. — В твоей комнате куча вещей, я уверена, там есть что-то подходящее.

— Точно, — кивнула я, чувствуя себя загнанной в угол.

Девочки снова улыбнулись.

Я сейчас только что хотела отказаться? Зачем?

Я даже не даю им шанса. Почему я всегда говорю «нет» раньше, чем подумаю?

— Точно, — сказала я, и в этот раз голос прозвучал увереннее. — Подождете меня?

Девочки закивали, и я облегченно выдохнула.

— Проходите, — бабушка пригласила девочек в дом. — Я как раз только что поставила чайник, и у меня есть печенье.

— Красивый дом, миссис Кин, — пролепетала Софи, оглядываясь по сторонам с восхищением.

— Спасибо, милая, — отозвалась бабушка, и я видела, как ей приятно. — Проходите в гостиную, я сейчас принесу чай.

Я бросила на девочек быстрый взгляд и пошла в свою комнату.

Закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной и на секунду закрыла глаза.

Всё происходило слишком быстро.

Я не привыкла к такому вниманию.

Не привыкла, чтобы кто-то хотел со мной дружить.

Я подошла к комоду и открыла верхний ящик. Аккуратно сложенные вещи — блузки, шорты, юбки. Только не это. Я открыла второй ящик.

И замерла.

Здесь сохранилось даже нижнее бельё. И красное бикини.

Маленькое, откровенное красное бикини.

Мама, ты не можешь так издеваться надо мной.

Я взяла бикини в руки. Ткань была мягкой, почти невесомой. Я представила маму в нём — смеющуюся, загорелую, счастливую. Ей шло красное. Ей шло всё. Но мне?

Я посмотрела на себя в зеркало. Вишнёвые волосы, выцветшая майка, шрамы на коленях от бесконечных падений в детстве. Красное бикини в моих руках выглядело как вызов.

Миссия «слиться с толпой» окончательно провалена.

Я уже винила себя за то, что покрасила волосы в красный. Но это бикини...

— Нашла? — раздался голос бабушки. Я вздрогнула и обернулась. Она стояла в дверях, и я не заметила, как она вошла.

— Угу, — отозвалась я, сжимая бикини в руках.

— Это был последний купальник, — сказала она тихо. — Она носила его перед университетом.

— Я не хочу его портить, — ответила я, чувствуя, как в горле встаёт ком.

— Ты не испортишь его, Кива, — сказала бабушка. — Ты сделаешь его счастливым.

Она подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Одевайся, милая. Девочки ждут.

Я кивнула. Когда бабушка вышла, я снова посмотрела на бикини.

— Ладно, мам, — прошептала я. — Сделаем это для тебя.

Бикини было мне мало — мама точно была меньше меня. Но я решила не сдаваться. Надела сверху майку и шорты, чтобы чувствовать себя более уверенно, и посмотрела в зеркало.

Красный. *Мамин цвет*. Я провела рукой по вишнёвым волосам и вздохнула.

— Ладно.

Я вышла в гостиную. Девочки сидели на диване и о чём-то болтали. Бабушка разливала чай в тонкие фарфоровые чашки, и в комнате пахло мятой и печеньем. Увидев меня, они обе поднялись.

— Я готова, — сказала я.

— Хорошо вам повеселиться! — пожелала бабушка.

— Спасибо, миссис Кин! — сказала Эмери, помахав бабушке.

Мы вышли на улицу. Яркое солнце ударило в глаза, и я зажмурилась на секунду. Воздух пах солью и остатком летом.

— Ты не в берцах, — заметила Софи, глядя на мои вьетнамки.

Я закатила глаза, но внутри мне было приятно, что они заинтересованы мною.

— Мы же идём на пляж, — ответила я. — У меня много обуви.

— Ты красивая, — сказала мне Софи, и это было так искренне, что я растерялась.

— Спасибо, ты тоже, — ответила я.

Мы шли по той же дорожке, что и я прошлой ночью, через песок к океану. Ветер дул в лицо, и я чувствовала, как волосы развеваются за спиной.

— Почему здесь нет людей? — спросила я, оглядываясь. Пляж был пуст, только чайки кружили над водой.

— Этот кусок принадлежит семье Эмери, — пояснила Софи.

Я остановилась. То есть я проникла на чужую собственность прошлой ночью? Круто.

— Ясно, — сказала я. — Вы часто ходите плавать?

— Наши старшие братья тренируются каждый день, — сказала Софи. — Мы плаваем, пока они заняты. А после тренировки они приходят к нам, и мы делаем что-то весёлое.

Я кивнула, не представляя, что значит «делать что-то весёлое». В моей голове это звучало как что-то из фильмов про идеальных подростков. Мне было трудно представить, что я стану частью этого.

Софи бросила своё полотенце на песок и начала быстро раздеваться. Она двигалась с такой энергией, что я невольно улыбнулась.

— Кто последний — несёт мокрые полотенца! — крикнула она и побежала к воде в жёлтом бикини.

Мы с Эмери переглянулись. Я заметила, что она не спешит раздеваться.

— Если хочешь — беги, — сказала она с лёгкой улыбкой, но в голосе не было радости.

— Я отдам полотенца парням.

— Ну вы чего там застряли? — кричала Софи из воды.

— Ты чем-то расстроена? — спросила я Эмери, подходя ближе.

Эмери посмотрела на меня. На секунду мне показалось, что она сейчас скажет правду, но она лишь натянула улыбку.

— Со мной всё в порядке, — сказала она.

Она медленно сняла сарафан, оставшись в простом белом купальнике. Я последовала её примеру. Ветер ласково коснулся кожи.

Вода была тёплой, и мои мышцы расслабились.

— Бежим? — предложила я Эмери. Она покачала головой.

— Я медленно захожу, — сказала она. — Не жди меня.

Я хотела сказать что подожду ее, но передумала. Я нырнула в воду, чувствуя, как она охватывает тело, как волны касаются лица.

Кажется, мне начинала нравиться моя новая жизнь.

Я вынырнула и посмотрела на небо. Голубое. Чистое. Бесконечное.

Может быть, здесь действительно можно начать всё сначала.

Глава 6

20 августа, Закари, 16 лет

Я был вымотан. Руки, плечи, ноги — всё горело от усталости. Каждая мышца кричала о пощаде, но внутри разливалось приятное чувство выполненного долга. Мы пахали как проклятые, и это того стоило.

Сегодня был ужасно жаркий день. Солнце палило нещадно, и даже океанский бриз не спасал. Мы усердно тренировались каждый день, но тренер Бэнкс, казалось, желал нас уничтожить. В хорошем смысле, конечно. Он был поджарым, и его голос разносился над водой так, что слышали, наверное, даже в соседнем городе.

Мы все горели одним делом. Гребля была нашей страстью, нашим ритуалом, нашей религией. Тренер направлял нас. За что спасибо ему.

— Скотт и Смит, хорошо постарались, — сказал тренер, когда мы причалили к берегу. Он стоял на причале, скрестив руки на груди, и его глаза сканировали нас с головы до ног. — Так держать. Синхронизация была почти идеальной, но на третьем отрезке вы начали разваливаться. Смит, ты сбился с ритма.

— Простите, тренер, — виновато опустил голову Джейми. Его щенячьи глаза наполнились печалью.

— Не извиняйся, а исправляй, — отрезал тренер. — Синклер, держи мощь весь сезон, и мы выиграем. Ты был единственным, кто не сбился с темпа.

Я кивнул, чувствуя гордость. Тренер редко хвалил, и его слова значили больше, чем все награды мира.

— Спасибо, сэр, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Брэдли — сильнее. Ты как будто весло из соломы сделал, — тренер прищурился на Квина, который только усмехнулся. — Хьюз и Митчелл — знаю, вы можете лучше. Не выключайтесь на середине дистанции. Джеймс — больше энтузиазма, ты не на прогулке. Холл — мощнее. Ты как скала, Брукс, но скалы тоже двигаются, если их толкнуть. И Янг, — он посмотрел на Линка, который сидел на корме, вытирая пот с лица, — выучи побольше мотивационных стишков. Твои «давай, парни» и «ещё немного» уже не работают. Придумай что-то посвежее.

— Есть, тренер, — отрапортовал Линк, и парни засмеялись.

— До завтра, тренер, — сказал я, вылезая из лодки.

— Хорошего дня, тренер!

— Пока, парни!

Тренер кивнул и направился в сторону эллинга, а половина парней разбрелась кто куда. Я, Томми Хьюз, Макс Скотт и Джейми Смит выбрали свои вещи и пошли вдоль берега к пляжу Скоттов. Песок хрустел под ногами, и я чувствовал, как напряжение начинает отпускать.

— Я так устал, что просто буду загорать, — простонал Томми, потягиваясь.

— Тебе станет жарко через пару минут, — хмыкнул Джейми. — И вот ты уже в воде кидаешь девчонок. Я тебя знаю.

— Что делать, если малышка Эми так долго заходит в воду, — ответил Томми, и в его голосе послышалась усмешка. — Её надо разогреть.

— Эй, Синклер, чего притих? — Макс толкнул меня в плечо, и я чуть не споткнулся от бессилия.

— Я исчерпал все свои силы, — отозвался я. — В отличие от некоторых, я выкладываюсь на тренировках.

— Ты был безупречен, — сказал Макс с восхищением. — Ты гребешь как машина.

— Я ещё не привык к новым нагрузкам, — возразил я. — Эта программа сложнее прошлогодней.

— Бро, ты жмёшь больше нас, — вступился Томми. — Я видел, как ты работал на тренажёрах. Это было что-то.

— Я и должен жать больше вас, — парировал я. — Я в середине. На мне основная сила. Если я провалюсь, вся лодка потеряет темп.

— Потрахайся, Закки, — ответил Томми и засмеялся. — Тебе нужно расслабиться. Ты слишком напряжён.

Я закатил глаза.

— Закари бережёт себя для жены, — пошутил Джейми.

— Ты такой смешной, — сказал я, чувствуя, как раздражение поднимается в груди. — Бедняжка Эмери терпит все твои шутки столько лет. Она, наверное, жалеет, что согласилась дружить с тобой.

— Эй, мы лучшие друзья, — возразил Джейми, смущаясь.

Ага. А я не Закари Синклер.

Надавив на больную точку как минимум двух парней, я заставил их замолчать. Томми обиженно надул губы, а Джейми устался в песок. Макс только усмехнулся, качая головой.

— Они пригласили девчонку из бара, — заметил Томми, привлекая наше внимание.

Я поднял глаза и увидел их. Эмери, Софи и... Киву. Они стояли по колена в воде, и Эмери что-то показывала на телефоне. Софи смеялась, запрокинув голову. А Кива...

Боже.

Эта девчонка была помешана на красном цвете?

Её бикини притягивало взгляд, но при этом не слишком защищало тело. Тонкие лямки, открытая спина, ярко-красный цвет, который контрастировал с её не менее красными волосами. Она выглядела так, будто сошла с обложки журнала, который родители не должны найти.

— Ставлю ей семь или восемь из десяти, — сказал Томми, прищурившись. — Она и вправду *огонь*.

— Нельзя ставить две оценки сразу, — возразил я. — Это бессмысленно.

— Ноги от ушей, — согласился Макс, оценивая, глядя на Киву. — Ставлю девять.

— Шесть, — сказал Джейми, и я удивлённо посмотрел на него.

— Шесть? — переспросил я. — Ты серьёзно?

— Она не в моём вкусе, — пожал плечами Джейми.

— Закари, твой ход, — подначивал Томми, и я почувствовал, как все взгляды обратились ко мне.

— Я не могу поставить девочке пять, — я покачал головой, глядя на Киву.

Она стояла в воде, и ветер играл с её волосами. Она выглядела красивой. Невинной. Даже в красном цвете.

— Значит, она тебе приглянулась? — Томми едва сдерживал смех.

— Это значит, что вы придурки заняли все нормальные оценки, — ответил я, чувствуя, как щёки начинают теплеть. Спустя несколько секунд молчания, я добавил: — Пусть будет десять.

Парни взорвались, кто смеясь, кто крича.

— Зак! — Макс с ухмылкой глянул на меня. — Мы знали, что ты не железный!

— Напоминаю, что вы поставили Эмери и Софи десятки, — объяснил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А они не приводили никого никогда в нашу компанию. Просто я объективен.

— Ну конечно, — довольно закивал Джейми. — Объективен. Мы все видели, как ты покраснел.

Я молил всех богов, чтобы они не сболтнули чего-нибудь лишнего при новенькой. Она выглядела так, будто её легко было напугать. Или разозлить. Я пока не понял.

— Она понравилась Брэдли, — напомнил я, надеясь, что это охладит их пыл. — Я не поступлю так с парнем из команды. Это неправильно.

— Скучно, — запел Томми. — Пока он ничего не делает, она сейчас прямо перед тобой в секси-бикини. Ты должен действовать!

— Ты можешь смотреть на девушек, не сексуализируя их? — спросил я, чувствуя, как раздражение снова поднимается. — Она просто человек. Как и мы.

— Ты просто джентльмен, — успокоил меня Джейми, похлопав по плечу.

— Ты между прочим тоже, — ответил я.

— Да, но у меня был секс, — сказал Джейми, и я почувствовал, как внутри всё переворачивается.

Я закатил глаза.

Они просто издеваются.

Что плохого в том, чтобы не совать свой член во всех подряд?

Конечно, я не осуждал парней, но мне такой формат не подходит. Я верил, что секс должен быть с кем-то важным. С кем-то, кто значит больше, чем просто одноразовое приключение.

Разговор о сексе пришлось закончить, потому что мы уже подошли к пляжу. Девочки заметили нас и вышли из воды. Вода стекала по их телам, и я заметил, как Софи дрожит от холода. Кива, наоборот, выглядела так, будто ей было всё равно.

— Привет, русалки, — Томми самодовольно улыбнулся. — Как вода?

— Как потренировались? — спросила Софи, устраиваясь на полотенце.

— Как всегда, — ответил я и улёгся на песок рядом с сестрой. — Тренер нас почти убил.

— Мальчики, поздоровайтесь с Кивой, — сказала Эмери, и я заметил, как она смотрит на Киву с каким-то странным выражением. — Кива, это Макс, мой брат, — она указала на моего светловолосого друга. — Это Джейми, Томми, — она показала на других парней. — И Закари.

— Мой брат, — добавила Софи и прислонилась ко мне щекой. Она была тёплой и влажной.

— Закари, Томми, Джейми и Макс, — повторила Кива, пытаясь запомнить. Её взгляд скользнул по мне и остановился на секунду дольше.

— Почему я в конце? — возмутился Макс.

— Потому что первое место у малыша Закки, — хихикнул Томми.

— Малыш Закки, — повторил Джейми, и они оба засмеялись.

Я шумно выдохнул, чувствуя, как щёки краснеют.

Я терпеть не мог это прозвище.

— Закари — красивое имя, — сказала Кива, не понимая, над чем смеются парни.

Но после её слов они упали от смеха. Макс чуть не подавился воздухом, а Томми схватился за живот.

— Они издеваются, потому что завидуют, — пояснила Софи, и я благодарно посмотрел на неё.

Кива неловко улыбнулась, притягивая к себе сумку. Она выглядела так, будто нервничала находиться здесь.

— Эй, Джейми, пора плавать! — позвала Эмери. Она стояла у воды и махала рукой.

— Иди привыкни к воде, и я приду, — ответил Джейми.

Эмери улыбнулась ему такой тёплой улыбкой, что я почувствовал себя лишним. Она пошла в воду, и её шаги были медленными, почти неохотными.

— Она слишком долго заходит, — сказал Томми, и в его голосе послышалось беспокойство. — Надо её развеселить.

Не прошло и минуты, как он уже бежал к воде, на ходу снимая футболку. А когда добежал до глубины, то прыгнул бомбочкой, подняв тучу брызг. Крик Эмери разнёсся над водой, и я услышал, как она смеётся.

Софи открыла глаза, услышав шум, и сразу встала.

— Кива, пойдешь? — спросила она у своей новой подруги.

— Мне нужно покурить, — Кива покрутила в руках пачку сигарет, и я заметил, как её пальцы слегка дрожат.

Мы с Максом переглянулись. В его взгляде я уже видел, как «очки» Кивы взлетают до пятнадцати. Макс усмехнулся и покачал головой, облизывая губы.

Софи убежала к воде, и мы остались втроём — я, Макс и Кива.

Кива выглядела примерно так же, как Софи и Эмери. Значит, ей тринадцать или четырнадцать. Еще там в баре я слышал, как Эмери говорила про старшую школу Сент-Митчелл.

Шум воды и смех друзей убаюкивал, и я наслаждался солнечными ваннами. Песок был тёплым, даже расслабляющим, и усталость медленно отпускала.

— Черт, Зак, сколько ты ешь в день, — сказал Макс, похлопав себя по животу. — Я совсем немного увеличил вес, а аппетит прибавился в двойном объёме.

— Ты должен правильно питаться, — я приподнялся на локтях, — и твои приступы голода прекратятся. Я питаюсь сбалансированно. Тренер сказал, что у тебя проблемы с жировой прослойкой и углеводами, так что тебе нужно следить за диетой.

— Ну ты и задрот, Закки. Я схожу домой за перекусом, — Макс встал и отряхнул песок с шорт. — Хотите чего-нибудь?

— Воды, — попросила Кива неожиданно тихо.

— Будет сделано, — ответил Макс. — А ты, Закки?

— Либо поешь дома, либо носи всем сэндвичи, — сказал я, глядя на него. — Наши сестры съедят тебя живьём. Они уже начали поглядывать в сторону дома.

Макс тихо засмеялся.

— Хорошо. Я принесу сэндвичи. Эмери сейчас мало ест.

Он пошёл к дорожке своего дома, и мы остались вдвоём.

Зажигалка Кивы чиркнула, и она подожгла сигарету. Дым поплыл в сторону океана, смешиваясь с солёным воздухом.

— Курение убивает несколько лет жизни, — сказал я.

— Они мне не нужны, — фыркнула Кива.

— Делай это не при Софи и Эмери, — попросил я. — Они ещё слишком юные.

— Не бойся, правильный мальчик, — сказала Кива, и в её голосе послышалась усмешка.

— Они уже поругали меня.

— И правильно сделали, — кивнул я.

Я прикрыл глаза, загорая, и почувствовал, как тепло разливается по телу. Либо у меня паранойя, либо я ощущаю взгляд Кивы на себе. Я повернулся к ней, и наши глаза встретились.

— Ты на меня смотришь? — спросил я, чувствуя, как внутри всё замирает.

— Нельзя, Закари? — она протянула моё имя, и вдруг тело покрылось мурашками.

Пытаясь смутить её, она смутила меня. Я чувствовал, как щёки краснеют, и отвернулся, уставившись на океан. Как только парни это делают? Как им удаётся быть такими уверенными?

Лучше я буду загорать молча.

— То есть к тебе можно обращаться, чтобы составить план питания? — спросила Кива, выдыхая облачко дыма.

Она шутит?!

Или серьёзно?

Парни высмеивают меня за мои «строгие» планы питания и тренировок, но сейчас я не понимал, что имеет ввиду эта девочка.

И я не успел ответить, потому что из воды выбежала Софи. Она была полностью мокрой, волосы прилипли к лицу, а на губах сияла улыбка.

— Зак, смотри! — крикнула она, подбегая ко мне.

Я открыл глаза, и в тот же момент Софи потрянула головой, как собака после купания. Тысячи холодных капель обрушились на меня, и я вздрогнул, прикрываясь руками.

— Софи! — возмутился я, вытирая лицо. По спине пробежал холод.

Кива засмеялась, от чего сестра выглядела довольной.

Впервые за всё время я слышал её звонкий смех. Я поднял на неё глаза, и она, заметив мой взгляд, прикусила губу, пытаясь сдержать улыбку.

— Не смейся, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал строго, но у меня не получилось. — Это не смешно.

— Ещё как смешно, — глаза Кивы заблестели. — Ты выглядишь как мокрая курица.

— Ты ещё пожалеешь об этих словах, — сказал я, но внутри мне было приятно. Её смех был заразительным.

Софи уже убежала обратно в воду, где её ждал Томми. Они начали брызгаться, и я видел, как Эмери медленно заходит в воду, чтобы присоединиться к ним.

Через некоторое время из дома Скоттов вышел Макс с большой корзиной в руках. Он нёс сэндвичи, фрукты и бутылки с водой.

— Еда прибыла! — крикнул он, ставя корзину на песок.

Все выбежали из воды, мокрые и голодные. Я заметил, как Кива взяла бутерброд и тихо поблагодарила Макса. Он усмехнулся.

Мы ели, болтали и смеялись. Я почти не слушал разговоры, просто наслаждался этим летним моментом.

— Давайте ещё поплаваем, — предложила Софи, когда все поели.

Мы зашли в воду. Я люблю это чувство, когда океан обнимает меня, и все проблемы исчезают.

Томми прыгал с разбега, поднимая брызги. Макс пытался утопить Джейми, который активно отбивался. Софи плескалась рядом с Кивой, которая, казалось, постепенно отпускала свою защиту. Даже Эмери улыбалась.

Через час, когда солнце начало клониться к закату, все постепенно начали расходиться. Эмери, Макс и Джейми пошли в дом Скоттов. Томми попрощался и направился к себе, потому что его мама ждала к ужину.

Я стоял на песке, собирая вещи, когда Софи подбежала ко мне.

— Зак, проводим Киву до дома, ладно? — попросила она.

— Хорошо, — ответил я, перекидывая спортивную сумку через плечо.

Кива подошла к нам, вытирая волосы полотенцем. Она была в белой майке, которая намочила от купальника. И теперь я старался не смотреть на нее. Софи приобняла Киву, и мы пошли по тропинке, ведущей к дому бабушки Холли.

Софи болтала без умолку, рассказывая Киве про местные традиции, про школы, про то, как круто, что она теперь здесь. Кива слушала, иногда кивая, иногда усмехаясь. Я шёл сзади, и я не мог отвести взгляда от её спины.

Белая майка прилипла к мокрой коже, и через неё отчётливо проступал красный лифчик от купальника.

Я знал, что это неправильно.

Я должен смотреть на дорогу, на океан, куда угодно. Но я не мог. Как будто кто-то притягивал мои глаза к этому яркому пятну.

— Зак? — голос Софи вывел меня из оцепенения.

— Да? — я моргнул, пытаясь собраться с мыслями.

— Ты что, уснул на ходу? — рассмеялась Софи.

— Устал, — ответил я, надеясь, что голос звучит нормально. — Тренировка была тяжёлой.

Кива оглянулась на меня и изучающе посмотрела. Её взгляд был долгим, и я поспешил отвернуться.

— Я рассказывала Киве про греблю, — сказала Софи, запрыгивая на бордюр. — И про то, какой ты ботан.

— Я не ботан, — возразил я.

— Ботан, — повторила Кива, и я заметил, как она улыбнулась краешками губ.

— Даже ты? — спросил я, и она засмеялась. Этот смех снова заставил меня улыбнуться.

— Почему тебя это обижает? — нахмурилась Кива.

— Меня это не обижает.

— Это не круто для парня, — сказала Софи.

— Как по мне, это круто, — сказала Кива, глядя на мою сестру.

— Странные у тебя понятия “крутости”, — не понимая, ответила Софи.

Мы подошли к дому бабушки Холли. Девочки обнялись на прощание.

— Завтра увидимся, — сказала она.

— Завтра, — кивнула Кива. — Спасибо, что проводили.

— Не за что, — ответил я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Закари, — сказала она, и я снова услышал в её голосе ту нотку, которая заставила меня покраснеть.

Глава 7

21 августа, Кива, 14 лет

Утро началось с того, что в дверь дома бабушки кто-то настойчиво звонил. Я лежала в кровати, пытаюсь понять, который час, и молилась, чтобы это был не папа с очередной «доброй идеей». Но когда я выглянула в окно, то увидела Эмери и Софи, которые стояли на крыльце и махали мне руками, как будто мы не виделись целую вечность.

Я вышла в своей старой серой толстовке и растерянно посмотрела на бабушку, которая уже открывала дверь.

— Девочки! — воскликнула она с такой радостью, будто к ней приехали президенты. — Проходите, проходите!

— Доброе утро, миссис Кин! — хором сказали Софи и Эмери, переступая порог.

Софи была одета в ярко-голубой сарафан, а её каштановые косички весело подпрыгивали при каждом шаге. Эмери выглядела более сдержанно в джинсовом комбинезоне, волосы собраны в небрежный пучок. Но её глаза улыбались, и я поняла, что она рада меня видеть.

— Мы пришли забрать Киву, — сказала Софи, глядя на меня. — Мы едем в торговый центр! Ей нужно купить... — она сделала драматическую паузу, — краску для волос!

Бабушка посмотрела на меня с лёгким удивлением, но её улыбка не исчезла. Она подошла к своему кошельку и протянула мне карту.

— Вот, милая, — сказала она. — Покупай, что хочешь.

— Спасибо, — сказала я, и это слово вышло почти искренним.

— Повеселитесь!

Я вернулась в комнату за вещами.

Манипуляции Софи были поистине убийственными. Я всегда умела говорить «нет», но когда Софи посмотрела на меня своими большими глазами и сказала: «Кива, ну пожалуйста, поехали с нами!», я почувствовала, что спорить с ней — безнадежная затея.

Я запомнила это с первого раза.

Мы вышли на улицу, и я заметила, что у крыльца стоит машина Макса — чёрный внедорожник, который выглядел так, будто только что выехал из салона. Макс сидел за рулём и что-то листал в телефоне. Он поднял голову и коротко кивнул нам.

— Доброе утро, — сказал он, когда мы забрались в машину.

— Привет, — ответила я, чувствуя, как прохладный воздух из кондиционера обдувает моё лицо.

Поездка до торгового центра заняла около пятнадцати минут. Софи всю дорогу болтала о том, что ей нужно купить новые футболки, Эмери смотрела в окно, а я просто наслаждалась компанией и прохладой. Было приятно осознавать, что я куда-то еду с подругами. В Розуэлле такого не случалось.

Торговый центр оказался небольшим, но со всеми нужными магазинами. Мы зашли в магазин косметики, и я сразу почувствовала знакомый запах красок и шампуней. Я направилась к стойке с краской, а Софи и Эмери принялись изучать витрины.

— Ты уверена, что это тот оттенок? — спросила с сомнением Эмери, когда я взяла с полки коробку с ярко-красной краской.

Я посмотрела на неё, чувствуя, как терпение начинает иссякать.

— Экстра красный, — в который раз подтвердила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У меня тёмные волосы, поэтому красный выглядит иначе. Я знаю, что делаю.

Но Эмери продолжала крутить упаковку в руках, словно это могло что-то изменить. Она рассматривала фотографию на коробке так, будто искала скрытый смысл.

— Я уже устала, — захныкала Софи, повисая на руке у Эмери. — Макс, наверное, заждался нас. Ему скучно в машине.

— Он сидит в машине с кондиционером и играет в телефон, — ответила Эмери. — Ему не скучно.

— Прошу, идём! — простонала Софи.

— Всё, идём, — с раздражением выдохнула я, вырывая тубик с краской из рук Эмери. — Я уверена в этой краске.

Я пошла на кассу, и Эмери с Софи поспешили за мной. Софи довольно хихикнула, довольная тем, что мы наконец сдвинулись с места.

— Кива, ты не обижаешься на меня? — спросила Эмери.

— С чего бы? — удивилась я.

— Ты раздражена.

— Какую реакцию ты ожидала, спрашивая, уверена ли я четыре раза? — это звучало смешно, но я старалась не подавать вида.

— Да, прости, — Эмери неловко улыбнулась.

— У меня дома есть мороженое, — протянула Софи, когда мы вышли из магазина.

— Сначала нужно покрасить волосы, — сказала Эмери. — Пока мы не впали в сахарную кому.

— Не представляю, как ты красила волосы в одиночку, — Софи провела рукой по моим волосам, и я почувствовала, как её пальцы скользят по прядям. — Они такие длинные.

— Это было... сложно, — призналась я.

Мы вернулись в машину к Макс. Он улыбнулся нам, когда мы загрузились назад с пакетами.

— Куда едем? — спросил он.

— Едем ко мне! — сказала Софи. — Поторопись, Макс!

— Хорошо, — кивнул Макс и завёл машину. — Ты — реактивная ракета, Софи.

В окне проплывали идеальные лужайки, цветущие сады, белые заборы. Уиллоу становился привычным, но от этого не переставал казаться сказкой.

— Сколько длилась сегодняшняя тренировка? — спросила Эмери, обращаясь к брату.

— Часа три, — сказал Макс. — Тренер Бэнкс был в ударе.

— Джейми не писал мне, — недовольно проговорила Эмери, и в её голосе послышалась обида.

— У Джейми отказали руки и ноги, — усмехнулся Макс. — Что за контроль, Эми?

— Мы лучшие друзья, — заявила Эмери, но в её голосе чувствовалась неуверенность. — И мой друг не выходит на связь.

— У всех есть право на личное пространство, — возразил Макс.

— Макс, будь другом, вытащи моего брата из дома, — невинно проговорила Софи. — Чтобы он не читал нам лекции.

— Чтобы три девочки остались в одном доме без присмотра? — спросил он, приподнимая бровь. — Ни за что.

— Родители будут дома, — Софи ударила Макса по плечу, но он только рассмеялся.

— Он испугается и не выйдет из своей комнаты, — пошутил Макс.

— Чудики, — сказала я, закатывая глаза. Я поймала взгляд Макса через зеркало заднего вида, и он подмигнул мне.

Спустя несколько минут, когда мы подъехали к дому Синклеров, он оказался просто потрясающим.

Это было сложно назвать коттеджем.

Тёмно-синий фасад контрастировал с белыми ставнями, высокие окна отражали солнце, а аккуратно подстриженный сад выглядел как иллюстрация из журнала. Дом стоял на небольшом холме, и от него открывался вид на океан.

— Добро пожаловать в гости, — пропела Софи, когда мы вышли из машины.

— Это выглядит просто потрясающе, — сказала я, запрокидывая голову, чтобы рассмотреть резные карнизы и черепичную крышу.

— Внутри не хуже, — заверила Софи, и я не сомневалась.

Внутри было прохладно и пахло деревом и цветами. Паркетный пол, высокие потолки, большая люстра в прихожей — всё это создавало ощущение, что мы попали в старинный английский особняк.

— Идём на кухню! — сказала Софи, и мы пошли за ней.

Кухня оказалась просторной и светлой. Большой обеденный стол, у окна, диванчик с подушками, а на стенах висели картины в старинных рамах. Мы прошли к холодильнику, и Софи начала доставать ведёрки с мороженым.

— Это именно то, что мне необходимо, — сказала я, беря в руки холодную ложку.

Мы уселись на диванчик, и я почувствовала, как радость наполняет меня.

— Знаешь, я теперь сомневаюсь, что краситься в твоём доме — хорошая идея, — усмехнулась я, оглядываясь на идеально чистый пол. — Не хочу, чтобы всё было в красных пятнах.

— Мы накроем все поверхности, — заверила меня Эмери.

— И моя мама разрешила, — добавила Софи. — Правда она спросила, почему мы не сделаем это в салоне.

Я улыбнулась и не стала говорить, что дело было в деньгах.

Даже с картой бабушки я чувствовала себя неловко, тратя их на такие вещи. Мы с папой привыкли считать каждую купюру. А поход в салон казался роскошью, которую я не могла себе позволить.

— Так веселее, — сказала Эмери.

Софи достала свой телефон и развернула камеру на нас.

— Улыбнитесь! — попросила она, поднимая ложку с шоколадным мороженым в кадр.

Софи сделала несколько фото — мы смеялись, обнимались, показывали друг другу языки. Я почувствовала, как сердце тает от тепла. Будто мы втроём общались всегда.

Так комфортно я себя чувствовала с новыми подругами.

— Отправь мне фото, — попросила я. — Покажу папе.

Я быстро написала ему.

Кива: Веселимся!

И отправила наше общее фото. Он ответил почти сразу:

Папа: Моя девочка улыбается. Я счастлив.

Я улыбнулась, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

Когда мы объелись мороженым, Софи принесла старые пакеты и плёнку, чтобы мы закрыли пол и мебель.

— Добро пожаловать в салон «Софи»! — театрально произнесла она, размахивая руками, как фокусник.

— И Эмери! — подхватила блондинка, и её голос снова стал живым.

— Добро пожаловать в салон «Софи и Эмери», — добавила Софи, улыбаясь.

— Благодарю! — хихикнула я.

Я заранее надела чёрную футболку и чёрные шорты — вещи, которые не жалко было испортить краской. Софи разложила по столу тюбики с краской, окислитель, мисочку, кисточки и перчатки.

— Боюсь, мне слишком понравится, — сказала Софи, крутя в руках тюбик с красной краской. — Тебе же не разонравятся красные волосы?

— В ближайшее время нет, — заверила я.

— Вот и отлично, — сказала Софи. — Эй, Эми, что ты там смотришь?

Эмери сидела в углу дивана и смотрела в телефон. Её пальцы дрожали, когда она водила по экрану. Она совсем не обращала на нас внимания.

— Эмери, — громко позвала Софи.

Блондинка подняла глаза, и я увидела, что её лицо побледнело. Она выглядела расстроенной и потерянной.

— Эми? — мягко спросила Софи, подходя ближе. — Что тебя расстроило?

— Я чувствую, что должна быть дома, — сказала Эмери, и в её голосе послышалась паника. — Папа вернулся из командировки.

— На сколько он вернулся? — спросила Софи, садясь рядом.

— На неделю.

— Несколько часов из всей недели не много, — возразила Софи. — Мы покрасим волосы Киве, и ты увидишься с ним, ладно?

— Джейми не отвечает мне, — голос Эмери дрожал. — Папа дома без меня, а Джейми не читает мои сообщения.

Я видела, как Эмери начала тяжело дышать. Её глаза наполнились слезами, а руки тряслись так сильно, что она едва держала телефон.

— Эмери, — сказала я, подходя ближе, но не зная, что делать.

Софи быстро оказалась рядом и прижала подругу к себе. Эмери зарылась лицом в её плечо, и я слышала, как она пытается дышать, словно ей не хватает воздуха.

— Позвони ему, — попросила Софи. — Джейми ответит.

— Не могу, нельзя, — всхлипнула Эмери.

Я стояла в растерянности, чувствуя себя беспомощной. Я видела панику только у себя, когда не могла справиться с горем. Но Эмери была другой. Она была тихой, и её боль выходила наружу по-другому.

— Кива, — позвала Софи. — Можешь в верхнем правом ящике достать леденец?

Я кивнула и обошла большой обеденный стол. В ящике оказался стеклянный контейнер с сотнями леденцов на палочке — разноцветных, в ярких обёртках.

Я быстро передала леденец Софи. Она отпустила Эмери, развернула фантик и протянула ей.

— Держи, — сказала Софи. — Я позвоню Джейми сама.

Она взяла телефон и вышла из кухни.

Эмери упала назад, лёжа на диване. Она зажмурила глаза, тихо что-то проговаривая. Я подошла ближе, пытаясь разобрать слова.

— Я дышу, — шептала она. — Я луна, а ты солнце. Я дышу. Луна и солнце. *Я дышу.*

Леденец во рту мешал ей, но она продолжала говорить. Кажется, это был какой-то ритуал, слова, которые помогали ей вернуться к реальности.

Напряжённая Софи уже шла обратно, прижимая телефон к уху.

— Джейми? — жалобно пропищала Эмери, когда Софи передала ей телефон.

В трубке послышался успокаивающий мужской голос. Я не разбирала слов, но видела, как плечи Эмери начали расслабляться.

Софи коснулась меня за руку.

— Пойдём начнём, пока она успокаивается, — сказала она.

Я кивнула, чувствуя, как лёгкость в комнате мгновенно пропала. Мы подошли к столу, и я смотрела, как Софи выдавливает краску в мисочку. Её руки двигались быстро, но я видела, что она тоже переживает.

— Я понимаю, что ты не обязана говорить, — сказала я, — но что с Эмери?

Софи сосредоточенно посмотрела на меня, и я заметила в её взгляде усталость, которой раньше не видела.

— Она борется с тревогой, — всё, что она сказала.

— И как давно у неё это?

— Давно, — вздохнула Софи, глядя на подругу. — Но она расскажет тебе сама, ладно? Это не моя история.

— Конечно, — кивнула я, чувствуя, как внутри поднимается уважение к Софи.

— Привет, мам, — сказала Софи.

Я обернулась. В дверях стояла женщина — высокая, стройная, с каштановыми волосами, уложенными в элегантную причёску, и голубыми глазами. Она была одета в простое белое платье, но выглядела шикарно.

— Здравствуйте, миссис Синклер, — неловко поздоровалась я.

Женщина мягко улыбнулась.

— Никаких «миссис», — покачала она головой. — Зови меня Адель. Ты ведь Кива Кин?

— Да, — кивнула я.

— Я знакома с твоей бабушкой, — сказала Адель, проходя к раковине. Она налила себе стакан воды. — Мы работаем в одном клубе. Холли всегда говорила о тебе с такой нежностью. Нравится Уиллоу?

— Здесь мило, — ответила я, и это было честно.

— Эмери? — Адель настороженно посмотрела на диван, где Эмери продолжала говорить по телефону. Её голос стал тише, дыхание выровнялось.

— У неё снова была паническая атака, — тихо сказала Софи.

Улыбка с лица Адель спала. Она долго смотрела на Эмери, и я видела, как она переживает.

— Мне позвонить её родителям?

— Не нужно, — покачала головой Софи. — Она уже успокоилась.

Адель кивнула, взяла свой стакан воды и направилась к выходу, оставляя нас в тишине.

Софи шумно вздохнула и наклонилась ко мне, вновь улыбаясь.

— Готова?

Я кивнула.

Спустя полчаса все мои волосы были покрыты красной краской. Софи тщательно наносила её, разделяя прядь за прядью, и я чувствовала, как холодная смесь касается кожи.

— Я постаралась сделать всё равномерно, — сказала она, откидываясь назад. — Теперь подождём.

Запах краски витал в кухне, но мы уже почти не замечали его. Софи тихо рассказывала, как в двенадцать лет отстригла челку спящему Закари, и я смеялась, представляя его лицо, когда он проснулся.

— В двенадцать лет у мальчиков очень хрупкое эго, — смеялась она.

— Ты безжалостная, — согласилась я.

— Зато родители всё же отвели меня в парикмахерскую, — сказала Софи, — и я научилась делать это правильно. Закари пришлось пойти с нами...

Я слушала её и чувствовала, как напряжение отпускает. Краска пахла химией, но внутри разливался другой запах — запах дружбы.

Вдруг Софи подняла голову и посмотрела на дверь.

— Закари, ты что здесь делаешь?

Я обернулась.

Закари Синклер стоял в дверях кухни.

Он был в простой белой футболке и шортах. Его волосы были слегка растрёпаны, а на лице застыло выражение лёгкого отвращения.

— Живу, Софи. Что за запах? — спросил он, поморщившись. — Вы что, решили устроить химическую лабораторию в нашем доме?

— Мы красим волосы Киве, — сказала Софи тоном, не терпящим возражений.

Закари перевёл взгляд на меня, и я заметила, как его глаза слегка расширились. Наверное, он не ожидал увидеть меня.

— Ты вообще в курсе, что в школе запрещено красить волосы в яркие цвета? — спросил он, приподнимая бровь.

— Я встречалась с двумя директорами, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает азарт, — и ни один из них не сказал мне ни слова про мои волосы.

— Какой кошмар, — сказал он.

— Мои волосы специально для таких ботанов, которые не знают, на чём сконцентрироваться, — язвительно сказала я, поднимая на него взгляд.

Закари застыл на месте.

Он долго смотрел на меня, и я видела, как его щёки начинают краснеть.

Он открыл рот, но не нашёл слов.

— Зачем мне концентрироваться на тебе? — спросил он наконец.

Я пожала плечами, оставляя его без ответа, и улыбнулась самой дерзкой улыбкой, на которую была способна.

— Не обижай мою подругу, Закари, — вступилась Софи. — Или я подумаю, что ты претендуешь на неё. И расскажу всё парням.

— Делай что хочешь, — бросил Закари на прощание и вышел из кухни, но я заметила, как он закатил глаза.

Когда он скрылся в коридоре, Софи рассмеялась.

— Ты его смутила, — сказала она. — Он никогда так не краснеет.

— Он просто терпеть не может девчонок, — ответила я.

Софи подмигнула мне.

— Он их не видит.

Я посмотрела на свои волосы, покрытые красной краской, и почувствовала, как внутри поднимается лёгкость. В этом городе, среди этих людей, я начинала чувствовать себя собой.

Эмери подошла к нам, улыбаясь. В её глазах уже не было страха.

— Вы закончили? — спросила она.

— Почти, — сказала Софи. — Ещё подождём.

Я посмотрела на них обеих и улыбнулась.

Может быть, здесь действительно можно начать всё сначала.